Мария Заламбани, Илария Лелли[1]

ЛИТЕРАТУРА И ПСИХОАНАЛИЗ В РОССИИ. НИКОЛАЙ ОСИПОВ И «ЗАПИСКИ СУМАСШЕДШЕГО» ЛЬВА ТОЛСТОГО[2]

Таким образом, писатель вправе не избегать встречи с психиатром, психиатр — с писателем, а художественная трактовка психиатрической темы может быть очень точной без утраты красоты.

З. Фрейд. Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена (1906)

Зарождение психоанализа в России

На заре XX века психоаналитический дискурс проник в Россию и через литературные произведения стал распространяться во всех интеллигентских кругах гораздо активнее, чем это происходило во многих европейских странах (Angelini, 1988). Русской культуре с ее литературоцентризмом было еще чуждо размежевание дисциплин, их разделение на гуманитарные и естественные науки, привычное для запада. Поэтому в построении русского психоаналитического дискурса участвовали не только медики, психологи

[1] Пер. с итал. Кристины Ланда.

[2] Авторы выражают благодарность д-ру Сипонтина Кастриотта за психоаналитическую консультацию.

и психиатры, но и писатели, поэты, религиозные философы и революционеры.

В начале прошлого столетья в России наблюдался расцвет мысли и искусства: серебряный век дал миру много новых художественных течений, а философско-религиозные искания рубежа веков, оказавшие серьезное влияние на символизм, подготовили почву для идей Фрейда[1]. Поиск двойника, «иного», дуализм дионисийского и аполлонического начал, были словно предвестием фрейдовской диалектики сознания и бессознательного. Василий Розанов, вводя сексуальный дискурс вслед за автором «Крейцеровой сонаты», проложил путь Фрейду с его идеей либидо. Психоаналитический дискурс принес свои плоды на уже готовой ниве, на которой философскими и поэтическими стараниями Владимира Соловьева, Вячеслава Иванова, Александра Блока была взращена идея «иной», далекой, отвлеченной и неопределенной реальности и такие универсальные образы, как соловьевская София, миф о Дионисии Иванова или Прекрасная Дама Блока. Эти образы, при всей своей несхожести друг с другом, были близки фрейдовской теории бессознательного, основанной на мифах об Эдипе и Электре, и концепции коллективного бессознательного Юнга (Эткинд, 1994. С. 41–79). Склонность к самонаблюдению, интерес к бессознательному, характерные для русского менталитета (что доказывает русская литература — например, Достоевский, интуитивно предвосхитивший многие из открытий Фрейда), а также открытость интеллигенции западным веяниям — в эпоху, когда Россия переживала культурное возрождение и устремляла взоры к западу в поисках новых источников вдохновения — безусловно, способствовали быстрому распространению фрейдовских теорий на рус-

[1] В подтверждение напомним, что по меньшей мере двое символистов — поэт Сергей Соловьев и писатель Вильгельм Зоргенфрей — проходили курс лечения психоанализом (Ljunggren, 1989. P. 174, 188).

ской земле[1]. В русских философских кругах царил кризис мироосознания, кризис взаимоотношений жизни и культуры; бытовали апокалиптические настроения и упования на приход нового Мессии: «состояние, в котором пребывали российское общество и культура, на языке психоанализа можно определить как потерю групповой идентичности» (Рождественский, 2009. С. 60). Отказ от традиций XIX века привел к чувству утраты и к пустоте, повлекшей за собой не только свободу, но и страх перед неизвестностью; поэтому творчество символистов было пропитано ужасом перед хаосом. В эту культурную атмосферу и проник психоанализ, с 1904 по 1914 год переживавший свой «серебряный» век, что дало Фрейду основания утверждать: «В России (в Одессе) кажется, началась местная эпидемия психоанализа» (Mcguire, 1974. P. 495).

Многие коллеги и последователи венского доктора были русского происхождения: например, писательница и психоаналитик Лу фон Саломе (Луиза Густавовна Саломе, 1861–1937), повстречавшая Фрейда в 1911 году и вошедшая в его самый ближний круг, или Макс Эйтингтон (Марк Ефимович Эйтингтон, 1881–1943), помощник Фрейда, член совета правления психоаналитического движения, распространявший новую дисциплину по всей Европе, или Сабина Шпильрейн (Сабина Николаевна Шпильрейн, 1885–1942), которая участвовала в деятельности Венского психоаналитического общества и, вернувшись на родину в 1923 году, стала там одной из первых женщин-психоаналитиков (Rice, 1993).

В 1910–1920-е годы формируется русская психоаналитическая школа, включающая в число своих членов многих специалистов, которые общаются с самим Фрейдом и Юнгом: это Мойше Вульф (или Мойше Вольф, Моисей Владимирович Вульф, 1878–1971), один из первых

[1] Об особой предрасположенности русской культурной почвы к восприятию фрейдовских идей ср. Рождественский, 2009. С. 39–57.

глашатых новой дисциплины у себя на родине, а потом и в Израиле; Татьяна Розенталь (1884–1921), первый врач-психоаналитик Петербурга; Михаил Асатиани (1881–1938), основатель психиатрической школы Грузии, и Николай Осипов (1877–1934), первым начавший распространять психоанализ в России (Ibid. P. 67–91).

С самого начала своей истории в России новая теория выходит за рамки своей научной области; связь между психоанализом и гуманитарными науками проявилась уже в самой деятельности психиатрического кружка «Малые пятницы», в котором начало развиваться психоаналитическое направление. Эта группа была создана в марте 1906 года при университетской психиатрической клинике в Москве, с тем чтобы вести дискуссии на теоретические и практические темы, но уже с 1908 года горизонты раздвигаются, и круг рассматриваемых проблем становится шире:

> «В последние годы, приблизительно с 1908 года “Малые Пятницы” несколько видоизменились. С одной стороны, остались заседания старого типа, с другой стороны — начали затрагиваться совершенно новые вопросы пограничных с психиатрией областей: биологии, психологии и социологии. В таком виде клинические конференции приобрели уже более широкий и самостоятельный характер, и круг посетителей-гостей расширился значительно. Гостями и участниками явились не только врачи-психиатры, но и не врачи — историки, богословы, педагоги и т. д.» (Овчаренко, 1994. С. 244)[1].

Решительный поворот произошел в 1911 году, когда сообществу пришлось поменять место заседаний, так как его глава, проф. Владимир Сербский, вместе со своими главными сотрудниками покинул клинику из-за конфликта с министром образования Львом Кассо, который лишил

[1] В приложении опубликовано несколько документов из архива Московского психиатрического кружка «Малые пятницы».

университеты автономии. Поэтому в 1912 году был учрежден новый Московский психиатрический кружок «Малые пятницы», заседания которого были открыты для посещений публики, и уже в 1912 году на них бывало более шестидесяти человек; круг обсуждаемых тем ширился, и литература стала одной из них. Кружок собирался регулярно до 1918 года, пока революционные события и эмиграция некоторых его членов не привели к его закрытию.

Октябрьская революция случилась как раз в тот момент, когда должна была вот-вот произойти институционализация новой дисциплины: у последней уже был свой журнал, своя университетская клиника и свои знаменитые врачи. Приход советской власти стал поворотным моментом в истории русского психоанализа. Если в первые послереволюционные годы, в условиях идеологического вакуума, образовавшегося за счет отречения от всех прежних достижений человеческой мысли (которые считались теперь «буржуазными пережитками»), власти пытались сотрудничать с психоаналитической школой, то в двадцатые годы их отношение к ней изменилось. Поначалу существовало представление, что новая дисциплина позволит добраться до «святая святых» в человеке, то есть до его бессознательного; познать бессознательное значило бы иметь возможность управлять людьми и ковать сознание «нового советского человека». Казалось, что таким образом государство сумеет контролировать не только общественное поведение человека, но и частное, и даже сексуальную сферу (Белкин, Литвинов, 1992), а применение психоанализа в области литературы и искусства приведет к сотворению нового «общественного человека», с новым эстетическим и социальным мировосприятием. Всем этим и объясняется первоначальная поддержка московских психоаналитиков некоторыми членами партии, в частности Львом Троцким. В 1922 году при Наркомпросе (Народном комиссариате просвещения) было создано Русское психоаналитическое общество (РПСАО), которое возглавил

Иван Ермаков[1]. Последний был воплощением идеального синтеза науки и власти: один из пионеров психоанализа, художник и писатель-дилетант, он постоянно сотрудничал с советским правительством. В 1921 году при Государственном психоневрологическом институте им был основан научный кружок «по изучению психологии художественного творчества психоаналитическим методом», председателем которого он стал. В кружке состояли также психиатр и психоаналитик Александр Бернштейн, художник, искусствовед и литературовед Александр Габричевский и академик Отто Шмидт, своим солидным положением обеспечивший кружку поддержку советской власти[2].

Несмотря на это, уже в конце двадцатых годов метод психоанализа обнаружил свою полную несовместимость с советской системой: психоаналитический подход был слишком индивидуальным (а также индивидуалистическим) и не годился для лепки коллективного сознания — центрального понятия государственной идеологии — а потому его быстро забраковали. На теорию психоанализа был наброшен покров молчания. Литература по этому предмету, активно переводившаяся с 1904 по 1930 год, пала жертвой цензуры. Представителей же первого поколения психо-

[1] Иван Дмитриевич Ермаков (1875–1942) — психиатр и психоаналитик. Научный противник Осипова, начиная с момента, когда Сербский, а вслед за ним Осипов и большинство врачей покинули клинику, где Сербский был директором, а Ермаков продолжал работать в ней. Их отношения испортились еще сильнее, когда Осипов эмигрировал, а Ермаков остался на родине и, благодаря своему сотрудничеству с советской властью, стал главным представителем отечественного психоанализа. Ермаков писал стихи и картины; с 1916 по 1921 год принимал участие в ряде выставок живописи и графики. Опубликовал несколько статей, посвященных психоанализу творчества Пушкина, Гоголя и Достоевского (Ермаков, 1999). Также являлся членом Государственной академии художественных наук, а с 1919 по 1923 год заведовал экскурсионным отделом Третьяковской галереи (Ср. Рождественский, Сироткин, 2011).

[2] Отто Юльевич Шмидт (1891–1956) — ученый, математик, астроном и исследователь Арктики. Университетский профессор, директор Госиздата с 1921 по 1924 год, один из основателей и редакторов «Большой Советской Энциклопедии».

аналитиков постигла разная участь: так, Татьяна Розенталь покончила с собой в 1921 году[1], Асатиани был вынужден отречься от фрейдовской теории, Осипов и Вульф выбрали эмиграцию.

Николай Евграфович Осипов

Одной из знаковых фигур первого поколения русских последователей Фрейда был психиатр Николай Евграфович Осипов, которого считают пионером психоанализа в России[2]. Как и многие русские интеллигенты его эпохи, он получил образование за рубежом: в 1898 году он начал свое обучение во Фрибурге; затем продолжил его в Цюрихе, Бонне, Берне и Базеле, где в 1903 году стал доктором медицины Базельского университета. Посещал «Бургхёльцли» — знаменитую психиатрическую клинику при университете Цюриха — как раз в то время, когда ее директор, Эйген Блейлер, примкнул к течению психоанализа, и когда там работали такие фигуры, как Карл Юнг и Карл Абрахам. С 1906 года под началом у Сербского работал в психиатрической клинике Московского университета, которую покинул в 1911 году вместе с ее директором из-за возникшего с министерством конфликта; затем, также вместе с Сербским, основал кружок «Малые пятницы» и стал его секретарем. В 1907 году познакомился с трудами Фрейда, еще неизвестного в России, если не считать короткой брошюры о толковании сновидений (Фрейд, 1904)[3]. В 1910 году лично встречался с основателем психоанализа и вступил с ним в доверительные

[1] Причины ее ранней кончины нам неизвестны. Ее коллега Сара Найдич, в посвященном ей некрологе, упоминает о мучивших ее тяжелых страданиях и внутренних конфликтах (Neiditsch, 1921. S. 384).

[2] Ирина Сироткина утверждает, что Осипова сложно назвать «психоаналитиком», поскольку в то время речь идет еще только о первых ростках психоанализа в его современном понимании (Сироткина, 1995).

[3] Книга «Толкование сновидений» вышла в 1913 году (Фрейд, 1913).

и рабочие отношения, которые сохранялись между ними на протяжении всей жизни, как это явствует из их переписки (Фрейд, Осипов, 2011; Фишер и др., 2009); в том же году познакомился и с Юнгом.

Осипов был одним из учредителей и членов редколлегии первого русского журнала психоаналитической направленности — «Психотерапия» (1910–1914). В 1911–1913 годах вместе с психиатром Осипом Фельцманом издавал в Москве книжную серию «Психотерапевтическая библиотека», в которой выходили работы Фрейда. Он же сам переводил некоторые из этих работ, впервые разрабатывая психоаналитическую лексику на русском языке. Хотя его не интересовала политика, он был противником большевистского правительства, а потому в 1918 году покинул Москву и, после множества скитаний по югу России, через Стамбул, Белград и Будапешт добрался до Праги, где с 1921 года поселился окончательно. С 1923 по 1931 год работал в Карловом университете и основал там «Пражский психиатрический кружок». В 1925 году Осипов организовал и возглавил «Русский психиатрический кружок» в Праге, занимавшийся также проблемами психоанализа, и тем самым внес вклад в распространение и развитие новой дисциплины в Чехословакии (Верещака, 1935). Своими публикациями и публичными выступлениями (числом более семидесяти) в Праге способствовал формированию психоаналитической традиции в этой стране[1].

Пражский период был наиболее плодотворным в его научной деятельности, охватившей также философию. Многое было почерпнуто им из учения Фрейда, но в основе его трудов лежит понятие не либидо, а любви, рассматриваемой как космическая сила и определяющий фактор человеческой жизни. Находясь под влиянием идей мыслителя Николая Лосского, и прежде всего его учения

[1] Полный список приводится в книге А. Бема (Бем и др., 1935, I. С. 60–64).

об интуитивизме, Осипов стал выразителем философско-культурных исканий серебряного века (Лосский, 1936); его работы были своего рода синтезом психоаналитического дискурса и русской философской традиции. В 1931 году он завершил статью «Революция и сон» (Осипов, 1931), где революции (которая, по его мысли, является нарциссическим самоутверждением одного класса) дается психоаналитическая интерпретация и проводится аналогия между революцией и сном.

В 1931 году началось и его заболевание, вызванное проблемами с сердцем, которые вынудили его покинуть университет; затем последовали три года мучительных страданий: за это время он сделал некоторые записи для своей биографии[1]. Несмотря на трудности, он не оставил научной деятельности и в том же году опубликовал статью «Больное и здоровое у Достоевского» (Osipov, 1931), а также переделал доклад «Страшное у Гоголя», опубликованный посмертно в 1935 году (Осипов, 1935).

Осипов скончался 19 февраля 1934 года, а в марте того же года его друзья и коллеги организовали мероприятие, посвященное его памяти, материалы докладов с которого были напечатаны год спустя (Бем и др., 1935–1936). Что до судьбы его творчества в России, то она типична для ученого-эмигранта: лишь в 1994 году в рамках антологии была переиздана одна из его первых статей — «О психоанализе» (Осипов, 1994)[2]. Благодаря возросшему за последние годы интересу к психоанализу многие его произведения вновь увидели свет в России (Фрейд, Осипов, 2011; Осипов, 2011; Осипов, 2012а; Осипов, 2012б; Осипов, 2014).

---

[1] На основании этих записей доктор Полосин составил биографическое описание Осипова, которое было зачитано на церемонии, посвященной памяти ученого, 25 марта 1934 года в соединенном собрании Общества русских врачей и Русского философского общества в Праге (Полосин, 1935).

[2] Библиографию произведений Осипова ср. в работе Фрейд, Осипов, 2011. С. 223–226; Петровицкая, 2012. С. 423–425.

Психоанализ и художественная литература в работах Осипова

Осипов интересовался художественной литературой с самого начала своей научной деятельности: начиная с 1907 года в «Журнале невропатологии и психиатрии им. С.С. Корсакова» он публиковал ряд статей психоаналитической направленности; некоторые из них были посвящены произведениям Толстого и Достоевского (ср. Сироткин, Чиркова, 2014; Овчаренко, 2000).

В 1911 году, создавая вместе с Фельцманом серию «Психотерапевтическая библиотека» (1911–1917), Осипов планировал опубликовать в ней книгу «Анализ “Детства, отрочества и юности” Л.Н. Толстого». Книга так и не вышла в этой серии, вероятно, из-за войны, однако позднее, в 1923 году, автор опубликовал на немецком языке труд «Детские воспоминания Толстого. Вклад в теорию либидо З. Фрейда» (Ossipov, 1923; рус. пер.: Осипов, 2011), который, возможно, представляет собой переработанную версию задуманной книги. В 1911 году Осипов опубликовал «Психотерапию в литературных произведениях Льва Толстого», а в 1913 году «Записки сумасшедшего»; впоследствии, в 1923 году, им была написана работа «О душевной жизни Льва Толстого»[1].

[1] Термин «душевный» (прилагательное от существительного «душа») вплоть до конца XIX века обозначал состояние духа и ассоциировался с внутренним миром человека. Так, словарь Владимира Даля (1863–1866) приписывает термину «душевный» значение «к душе относящийся», то есть «относящийся к “бессмертному духовному существу”». С появлением эмпирической психологии (это понятие ввел немецкий философ Христиан Вольф, 1679–1754), значение слова «душа» смещается из чисто философской в биологическую и физиологическую область: это происходит благодаря работам Вильгельма Вундта (1832–1920) (немецкого физиолога, психолога и философа, оказавшего огромное влияние на развитие научной психологии), немецкого физиолога Карла Э. Геринга (1834–1918), шотландского философа и психолога Александра Бэна (1818–1903) и др. Так постепенно из онтологического понятия «человеческого духа» «душа» становится понятием психики. Именно идею о психике развивали в конце XIX века психиатрия и психоанализ. В течение XIX века

Толстому Осипов посвятил и несколько докладов на конференциях: например, доклад «Гений и невроз Льва Толстого» (1928), зачитанный им в Обществе русских врачей в ЧСР, и «Толстой и медицина» (1928), представленный в Семинарии по общим вопросам естествознания М. Новикова.

В целом творчество Осипова является прекрасным материалом для изучения зарождения русского психоанализа и выявления его связей с художественной литературой. Из его работ явствует, что с самого своего появления в России психоанализ использует литературу не только в качестве архива, из которого можно черпать клинические случаи для исследования, но и в качестве способа популяризации и распространения новой теории. В самом деле, Осипов иллюстрирует положения психотерапии при по-

термины «душевные болезни» и «душевнобольной» приобрели научную окраску под влиянием европейской психиатрии. Последняя рассматривала эти болезни как нарушения психической деятельности человека. Термин «душевный» использовался как в переведенных работах зарубежных специалистов, так и в трудах русских ученых, как синоним «психического»; оба термина, первый церковно-славянского, второй — греческого происхождения (то есть заимствование), стали в России синонимами под влиянием психиатрии. Термин же «психиатрия» употреблялся с начала XIX века. В 1808 году немецкий врач Иоганн Христиан Рейль (1759–1813) придумал это слово, буквально означающее «исцеление души»: «душа» по-гречески — «психе». Лишь в последние десятилетия XIX века (когда предпринимаются первые попытки создать науку о разуме в светском смысле слова, то есть «психологию без души»), западная психиатрия начинает прибегать к систематической психологии в современном значении этого термина. В России важный вклад в это дело внес Петр Бутковский, который в 1834 году опубликовал первый учебник психиатрии на русском языке, где «душевные болезни» интерпретировались согласно принципам современной психиатрии (Бутковский, 1834). В конце столетия в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона проводились различия между физическими и душевными болезнями и утверждалось следующее: «В современной научной медицине различение отдельных болезней основывается преимущественно на анатомическом принципе в смысле поражения определенных органов нашего тела. По отношению к Д. болезням этот принцип, однако, неприменим, по крайней мере в той форме, в какой эта точка зрения установилась для соматических (телесных) болезней» (Брокгауз, Ефрон, 1890–1907).

мощи литературных образов и текстов, позаимствованных у Толстого, Достоевского, Гоголя, Гончарова; тем самым литературный и психоаналитический дискурсы тесно переплетаются между собой, постоянно взаимодействуя друг с другом: сначала психоанализ прибегает к литературе, чтобы проиллюстрировать свои гипотезы и приобрести больше авторитета, а затем и литература начинает пользоваться теорией психоанализа, на которой вырастут некоторые писатели следующего поколения[1].

С другой стороны, взаимосвязь литературы и психоанализа доказывает, в первую очередь сам Фрейд, который постоянно использует литературные источники, полагая их архивом неизученных материалов для исследования бессознательного[2]. Таким образом, Фрейд выявляет аналогию между трудом писателя и психоаналитика: если первый открывает мир бессознательного интуитивно, то второй исследует его с научной точки зрения, путем психоанализа (Фрейд, 1995б).

Точно так же и русские психоаналитики обращаются к богатейшей литературной сокровищнице: так, Юрий Каннабих[3] интересуется беллетристикой и сам сочиняет стихотворные сатиры; Николай Вырубов[4] разделяет с Оси-

---

[1] Это касается не только отечественных авторов (например, Бориса Пильняка и Михаила Зощенко), но и великих европейских писателей — Джеймса Джойса, Симоны де Бовуар, Уильяма Фолкнера, Томаса Манна и др. (Овчаренко, Лейбин, 1999, II. С. 404).

[2] Так, Фрейд в статье, посвященной «Градиве» Иенсена, утверждает, что поэты, по всей видимости, интуитивно постигают бессознательное. По мнению Фрейда, сюжет «Градивы» — это история настоящего (хотя и неосознанного) клинического исследования, проведенного писателем (Фрейд, 1995а).

[3] Юрий Владимирович Каннабих (1872–1939) — психиатр, один из пионеров психоанализа в России. Член редакции журнала «Психотерапия» и один из основателей РПСАО.

[4] Николай Алексеевич Вырубов (1869–1918) — один из лидеров русского психоанализа. С 1909 по 1916 год заведовал санаторием «Крюково» для нервнобольных, где вместе с другими психиатрами, в том числе Каннабихом, применял метод психоанализа. Как и Каннабих, являлся членом редакции журнала «Психотерапия».

повым глубокое увлечение литературой. Доктор Степан Верещака в своем описании деятельности Пражского психиатрического кружка свидетельствует, что:

> «Опираясь на Фрейда, Н.Е. с особенною любовью проникал во всю бесконечную пестроту мировой литературы. Однако и здесь свой выбор он останавливал большей частью на русской литературе — Толстом и Достоевском. Вокруг этих тем происходили в Кружке горячие споры, разгорались прения и напрягались все умственные способности каждого из нас» (Верещака, 1935. С. 56.).

В 1911 году, в своем докладе «Психотерапия в литературных произведениях Льва Толстого», прочитанном в кружке «Малые пятницы», Осипов назвал множество точек соприкосновения между Толстым и психиатрией, осмысленной в психоаналитическом ключе. Ученый утверждал, что сама жизнь Толстого, столь насыщенная «событиями внутренними», представляла собой «ту борьбу внутренних переживаний всех обыкновенных людей, которая для многих и многих из них кончается заболеванием, неврозом или, точнее, психоневрозом» (Осипов, 1911. С. 1). Кроме того, он был убежден в том, что «важно и полезно для врачей-психотерапевтов изучение классических произведений литературы, в частности русской литературы и главным образом гениальных созданий Л.Н. Толстого» (Там же. С. 21). Тексты Толстого, полагал Осипов, «дают нам обильный источник познания души человека, того познания, которое необходимо нам для психического влияния на больных» (Там же. С. 1–2). К тому же, продолжал ученый, писатель часто описывает болезни, духовные кризисы и внутренние конфликты своих персонажей, ясно указывая на тот факт, что речь идет не о простых физических недомоганиях, но о страданиях, которые нужно исследовать при помощи новых инструментов. Анализируя болезни Наташи Ростовой в «Войне и мире» и Китти Щербацкой в «Анне Карениной», Осипов предполагает, что эти болезни происходят

от психических травм и что их и следует лечить как таковые. Психиатр даже доходит до утверждения, что Толстой и сам полемизировал с современной ему медицинской наукой из-за того, что та была не в состоянии отличить физическую болезнь от душевной, и подчеркивал «недостаточное внимание врачей к психогенезу и психотерапии этих заболеваний» (Там же. С. 7)[1].

В письме от ноября 1921 года Осипов признается Фрейду в своем интересе к Толстому и предлагает вниманию учителя первую часть своей книги, посвященной классику и разделенной на четыре части:

1. Детские воспоминания Льва Толстого. Вклад в теорию о либидо Фрейда.
2. Период бури и натиска. — Болезненное у Льва Толстого.
3. Семейная жизнь. Толстой как писатель.
4. Кризис и послекритический период. — Толстой как моралист (Фрейд, Осипов, 2011. С. 37).

Проект так и не был доведен до конца (вышла только первая часть книги), но Осипов продолжал изучать Толстого на протяжении всей жизни. Фрейд, со своей стороны, отнесся к рукописи с энтузиазмом и рекомендовал его к печати. Труд вышел в 1923 году на немецком языке во втором томе библиотеки «Имаго» («Imago-Bücher»)[2].

«Записки сумасшедшего»

Одной из первых работ, посвященных Осиповым Толстому, стали «“Записки сумасшедшего”. Незаконченное произведение Л.Н. Толстого (К вопросу об эмоции бояз-

---

[1] Толстой действительно нередко полемизирует с врачами (по этому вопросу существует объемная литература; ср. библиографию, приведенную в книге Сироткиной (2009. С. 145–146)), но это еще не дает оснований утверждать, что он склонялся к психотерапии.

[2] Ср. Ossipov, 1923 (рус. пер. Осипов, 2011).

ни)». Речь идет о переработке доклада, который был прочитан в 1913 году в Московском психиатрическом кружке «Малые пятницы», а затем отдельно опубликован в журнале «Психотерапия» (Осипов, 1913).

Статья Осипова подразделяется на три части: введение, анализ рассказа и психоаналитическая диагностика. Во введении автор обращается к идее, изложенной им двумя годами ранее в «Психотерапии литературных произведений Л. Н. Толстого» (1911), дословно воспроизводя все, что утверждал тогда:

> «Жизнь и произведения Льва Николаевича Толстого представляют собой неиссякаемый рог изобилия психологического и патопсихологического материала. В произведениях Льва Николаевича мы имеем не только фактический — психологический и патопсихологический — материал, но материал, подвергнутый гениальной художественной и, смело можно сказать, научной обработке» (Осипов, 1911. С. 1).

Исходя из этого предположения, Осипов поясняет свою цель: показать, как Толстой в «Записках сумасшедшего» художественно проиллюстрировал фрейдовскую теорию психоневроза[1]. Таким образом, идя по стопам учителя, Осипов намеревается тщательно проанализировать художественное произведение, чтобы на его примере охарактеризовать клинический случай:

> «Я ограничиваюсь тем, что указываю на замечательное совпадение некоторых основных моментов фрейдовской теории с объяснениями причин психоневроза автором “Записок сумасшедшего”» (Осипов, 1913. С. 8).

---

[1] В учении Фрейда: категория душевных расстройств, которым присущи симптомы, символически выражающие детские конфликты; такого типа расстройства отличаются от актуальных неврозов, то есть от тех, причина которых кроется в обстоятельствах, непосредственно воздействующих на человека. Фрейдовское понятие психоневроза охватывает в основном неврозы переноса и нарциссические неврозы (Ср. Лапланш, Понталис, 1996. С. 402–403).

Кроме того, в произведении Толстого приступы страха[1] описаны настолько мастерски, настолько естественно, что читатель может предположить, что автор сам все это испытал[2]. Художественное описание так талантливо, что Осипов утверждает: «Читайте этот отрывок, и вы раз навсегда научитесь понимать наших пациентов с приступами боязни с полслова» (Осипов, 1913. С. 4). Пытаясь придерживаться системы психоанализа, предполагающей постоянный обмен между врачом и пациентом, ученый прибегает к следующей уловке: рассматривает текст, как если бы он был письмом, написанным больным и адресованным его собственному врачу. Если нам позволят провести параллель между литературной и психоаналитической деятельностью, то мы скажем, что психоаналитик, совсем как писатель, становится рассказчиком: сочиняет и повествует истории. О возникновении тесной связи между литературой и психоанализом свидетельствует сама уловка, использованная Осиповым: обнаружение документов, писем и различного рода текстов как исходный пункт для начала рассказа — это прием явно литературный по своей природе.

В работе Осипова литература становится средством для иллюстрации патологического случая; но, хотя автор и открыто указывает, что последнее — единственная цель его доклада, мы находим в нем намеки и на черты личности Толстого. В самом деле, Осипов соглашается с биографом

[1] В своей статье Осипов использует термин «приступ боязни», терминологический вариант словосочетания «приступ страха», которое в настоящее время употребляется чаще.

[2] На самом деле, в «Записках сумасшедшего» отразились личные переживания Толстого от пребывания в Арзамасе в сентябре 1869 года, когда он ездил в Пензенскую губернию с целью купить имение. О состоянии, испытанном им в то время («арзамасский ужас»), он писал: «Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было 2 часа ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал» (Толстой, 1938. С. 167).

писателя Бирюковым, который утверждает, что кризис Толстого начался не в 1876 году, а в день его рождения (Там же. С. 1)[1], и что поэтому «Записки» суть «художественные мемуары», то есть литературное оформление реального происшествия из жизни Толстого. Таким образом, Осипов может позволить себе сделать вывод о том, что «это психоневроз великого человека» (Осипов, 1913. С. 4). После этого патографического отступления автор продолжает использовать произведение только как способ вести психоаналитический дискурс.

В следующей части психиатр анализирует отрывок из толстовского рассказа, где главный герой воплощает в себе все симптомы психоневроза, согласно определению Фрейда:

> «1. Сумасшедший сам говорит о себе, что он сумасшедший;
> 2. Хоть и признавая свое дело сумасшедшим и зная, что оно причиняет боль, он не может нейтрализовать свои навязчивые влечения;
> 3. Первые проявления этого заболевания восходят к детству;
> 4. В детстве "повышенные эмоции любви", не находившие достаточного удовлетворения, привели к истерическим припадкам;
> 5. Припадки проходят в половозрелом возрасте, благодаря удовлетворительным сексуальным сношениям, но разочарование, наступающее впоследствии в семейной жизни, приводит к проявлению психоневроза».

В процессе анализа психиатр приводит в своей работе большие отрывки толстовского текста, описывающие

[1] «Мы сказали в одной из предыдущих глав, что 1876 год мы считаем началом кризиса и что конец 70-х годов представляет самый острый период его, завершившийся просветлением. Конечно, можно считать 1876 год началом кризиса только в узком, эпизодическом смысле. Можно сказать и иначе. Кризис начался со дня его сознательной жизни: и то и другое будет верно» (Бирюков, 1921, II. С. 301).

эти симптомы. В самом деле, главный герой сам говорит «я то знаю, что я сумасшедший» (Толстой, 1936. С. 466; Осипов, 1913. С. 5). Кроме этого, он совершает «навязчивые действия», но, хоть и понимает, что они приводят к боли, не может их избежать. Речь идет, утверждает Осипов, о «непреодолимости навязчивых влечений при полном критическом отношении к ним» (Осипов, 1913. С. 6), в абсолютном соответствии фрейдовской концепции. Следующий этап исследования психиатра заключается в том, чтобы показать, что первые приступы проявились у героя еще в детстве. В самом деле, больной признает, что испытывал нечто подобное нынешнему недомоганию до десятилетнего возраста, «но и то только припадками, а не так, как теперь, постоянно» (Толстой, 1936. С. 466; Осипов, 1913. С. 6). Далее приводится описание первого истерического эпизода, когда ребенок, только что задремавший, уверившись в любви няни (то есть в «момент особой эмоциональной восприимчивости» (Осипов, 1913. С. 7)), вдруг просыпается в ужасе. Осипов видит в неспособности ребенка справиться с этой переменой — когда «весь круг его ассоциаций, вращавшийся около представлений любви, <...> сменился ассоциациями ненавистничества» (Там же), — причину последовавшего истерического припадка: «Я стал рыдать, рыдать, и долго никто не мог меня успокоить. <...> И на меня опять нашло. Я рыдал, рыдал, потом стал биться головой об стену», — говорит автор «Записок» (Толстой, 1936. С. 466; Осипов, 1913. С. 7).

Окончив рассматривать анамнез детского возраста, Осипов приводит отрывок, в котором автор утверждает, что с четырнадцати лет, когда проявляется и удовлетворяется сексуальное желание, припадки проходят. Они возвращаются на десятый год после женитьбы главного героя, когда, согласно мнению Осипова, появляется «неудовлетворенность семейной жизнью, при сохранении верности своей жене» (Осипов, 1913. С. 8). На самом деле, слова больного не столь однозначны и просто позволяют догадаться

о его обычной жизни, лишенной особых восторгов: «Потом я служил немного, потом сошелся с моей теперешней женой и женился и жил в деревне, как говорится, воспитывал детей, хозяйничал и был мировым судьей. На 10-м году моей женитьбы случился со мной первый припадок после моего детства» (Толстой, 1936. С. 468).

На следующем этапе исследования описывается возвращение припадков уже в зрелом возрасте. Это ключевой момент осиповского анализа, поскольку здесь ученый стремится показать, что история припадков начинается с детских переживаний, запечатлевшихся в подсознании. В первый раз болезнь возвращается, когда главный герой, уже взрослым мужчиной, предпринимает поездку для покупки имения. В этом путешествии он испытывает то же недомогание, что и в детстве: во время ночевки на подъезде к Арзамасу он внезапно просыпается, «и ему страшно» (слово «страшно» повторяется при описании семь раз), жутко, и это ощущение усиливается до того, что он слышит «голос смерти»:

> «Мне страшно было встать, разгулять сон и сидеть в этой комнате страшно. <...> От чего, куда я убегаю? — Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. <...> Я хочу заснуть, забыться и не могу. Не могу уйти от себя. <...> Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачало всё. Мне так же, еще больше страшно было. «Да что это за глупость, — сказал я себе. — Чего я тоскую, чего боюсь». — *Меня, — неслышно отвечал голос смерти. — Я тут.*
> *Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал*[1], тогда бы я боялся. А теперь я не боялся,

[1] Курсив наш. —*М.З., И.Л.* Осипов отмечает, что, когда сам «предмет страха в реальной форме возбуждает меньше ужаса» в больном, чем мысль об этом же предмете, речь идет о «характерном явлении при навязчивых страхах» (Осипов, 1913. С. 9).

а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Всё существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирание было ужасно. Я попытался стряхнуть этот ужас. <...> Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать» (Толстой, 1936. С. 469–470)[1].

Этот припадок, который главный герой вспоминает как начало того, что он называет своим «сумасшествием», определяет поворот в его жизни. С этого времени припадки начинают учащаться и усиливаться, вплоть до финального апофеоза, истерического бреда, когда больной видит уже не реальность, а воплощение своих желаний:

«Это было начало моего сумасшествия. Но полное сумасшествие мое началось еще позднее, через месяц после этого. Оно началось с того, что я поехал в церковь, стоял обедню и хорошо молился и слушал, и был умилен. И вдруг мне принесли просвиру, потом пошли к кресту, стали толкаться, потом на выходе нищие были. И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздирания, и я не боюсь уже ничего. Тут уже совсем свет осветил меня, и я стал тем, что есть. Если нет этого ничего, то нет прежде всего во мне. Тут же на паперти я роздал, что у меня было, 36 рублей, нищим и пошел домой пешком, разговаривая с народом» (Толстой, 1936. С. 473).

[1] Мы приводим эту и следующую цитату в более развернутом виде, чем у Осипова, чтобы подчеркнуть силу выражения, с какой Толстой описывает приступ страха.

Ужас, боязнь, тоска преследуют героя в порядке нарастания, открывая ему весь кошмар разверзающейся перед ним пропасти. Лишь религиозное настроение вроде бы успокаивает его, но отныне он постоянно живет во власти фобофобии — страха перед возвращением этой тоски, которая, конечно, приходит к нему вновь. В период апатии, когда единственным, что выводило его из состояния вялости, была охота, на него опять накатил этот приступ. Заблудившись во время охоты, больной потерялся и испытал новый прилив страха: «Я испугался, остановился, и на меня нашел весь арзамасский и московский ужас, но во сто раз больше» (Толстой, 1936. С. 472; Осипов, 1913. С. 11). Ужас и страх, вызванные приступом страха исчезают только тогда, когда больной, находясь в одиночестве, заменяет эмоцию боязни религиозным экстазом. Охваченный глубоким религиозным чувством и любовью к ближнему, он отказывается от идеи покупки имения. Но, как подчеркивает Осипов, пока еще «нет ничего психозного» (Осипов, 1913. С. 11): бред появляется позже, когда герой, выйдя из церкви, видит, что «у церкви стоят нищие»: «И мне вдруг ясно стало, что этого всего не должно быть. Мало того, что этого не должно быть, что этого нет, а нет этого, то нет и смерти и страха, и нет во мне больше прежнего раздирания, и я не боюсь уже ничего» (Толстой, 1936. С. 473; Осипов, 1913. С. 12).

Это — «типичный истерический бред», восклицает Осипов; «больной видит не то, что есть, а то, что ему хочется — Wunschdelirium» (Осипов, 1913. С. 12).

Окончив анализ рассказа, Осипов переходит к третьей части статьи, где пытается поставить автору «Записок» психиатрический диагноз и одновременно определить наиболее правильный подход для интерпретации рассматриваемого случая. С этого момента автор статьи больше не обращается к литературному тексту, сосредотачиваясь исключительно на психоанализе. Психиатр вкратце освещает историю двух терминов, введенных Фрейдом, — «Angsthysterie» («исте-

рия боязни»)[1] и «Angstneurose» («невроз боязни» — Осипов, 1913. С. 12)[2] — и замечает, что все-таки трудно строить «нозологические рассуждения на основании просто письменного документа». И в конце этого короткого терминологического экскурса он переходит к пояснению настоящей задачи своей статьи:

> «“Записки сумасшедшего” дают нам скорее возможность поговорить о сущности, о природе кардинального симптома — приступов боязни — и о возможности психического лечения этих приступов, этой эмоции боязни» (Осипов, 1913. С. 12).

Таким образом, художественный текст у Осипова является отправной точкой для разговора о конкретном психическом расстройстве и для оценки эффективности и пользы психотерапии в данном конкретном случае. Толстой мастерски владеет языком эмоций, который в психоаналитическом дискурсе становится средством описания и убеждения. Но, если вначале литературный дискурс был нужен для описания клинической картины, симптомов, поведения и, прежде всего, ощущений больного, то в третьей части стиль статьи меняется. Текст Осипова становится сугубо

---

[1] В рамках современной психиатрической терминологии принято к употреблению выражение «истерия страха» вместо выражения «истерия боязни»: «По Фрейду, разновидность невроза, основным симптомом которого является страх <...>. Понятие истерии страха <...> подчеркивает основной механизм данного невроза, при котором возникновение тех или иных фобических объектов вторично по отношению к независимой, не связанной ни с каким конкретным объектом тревоге» (Лапланш, Понталис, 1996. С. 186).

[2] «Это невроз, отличающийся высокой степенью тревожности, отсутствием явного объекта страха и ярко выраженным воздействием актуальных факторов. В этом смысле невроз страха четко отличается от *истерии страха* или от такого фобического невроза, при котором тревога сосредоточена на объекте-заместителе» (Там же. С. 265).

Фрейд связывает возникновение невроза страха с особыми этиологическими факторами, основанными на: а) накоплении сексуального напряжения; б) отсутствии или же недостаточности психической проработки соматического сексуального возбуждения, способного преобразовываться в “психическое либидо”» (Там же. С. 264).

медицинским, автор целиком уходит в психиатрию; все вращается вокруг определения термина «эмоция» — весьма спорного понятия психологии того времени, по-разному понимаемому психологами, философами и врачами. Автор кратко освещает основные положения дискуссии вокруг этого термина, цитируя ее главных участников: Вильяма Джемса, Льва Петражицкого, Германа Оппенгейма, Николая Лосского и др. На первый взгляд, может показаться, что Осипов частично отказывается от теории Фрейда в пользу идей американского физиолога и психолога Вильяма Джемса; замена (начиная с заглавия) термина «невроз» термином «эмоция» в словосочетании «эмоция страха» может показаться доказательством намерений Осипова — найти в лице Джемса, представителя оптимистического и материалистического учения, альтернативу пансексуализму Фрейда[1]. В действительности, по нашему мнению, цель у Осипова иная. Дело в том, что, хотя русские психиатры знали о существовании теоретических споров между учеными Запада, они были склонны видеть в различных школах и течениях мысли скорее возможность взаимообогащения, нежели конфликта (Сироткина, 2009. С. 129, 132). Подобным образом и Осипов полагал, что различные психотерапевтические концепции могут дополнять друг друга и помогать найти наиболее подходящее лечение в каждом конкретном случае. В статье о «Записках сумасшедшего», изложив позицию Джемса, согласно которой органические ощущения являются главным элементом эмоциональных переживаний, он задается вопросом, возможна ли психотерапия эмоций, и, следовательно, имеет ли психотерапия право на существование (Осипов, 1913. С. 16). Желая продемонстрировать состоятельность и значимость психотерапии, Осипов не отказывается целиком от теорий Джемса, но пробует дополнить их тезисами Лосского о том, что в состав эмоции входят и волевые элементы:

[1] Такой точки зрения придерживается Катрин Жери (Géry, 2012. P. 237–238).

«Следует только несколько дополнить теорию Джемса и обратить наше внимание на другие, кроме органических ощущений, моменты эмоции боязни, борьба с которыми путем психического влияния возможна <...>. Иногда здесь полезно будет сослаться и на взгляд Лосского, согласно которому в состав эмоции входят и волевые усилия» (Там же. С. 18).

Объединив теорию Джемса с наблюдениями русского философа, Осипов, таким образом, может опровергнуть аргументы, используемые против психотерапии состояния боязни, и доказать, что психотерапия эмотивных состояний возможна.

Последний этап психоаналитического рассуждения Осипова касается связи между эмоцией боязни и расстройствами половой эмоции, которые обычно сочетаются у пациентов. Психоаналитические рассуждения, призванные продемонстрировать возможность лечить истерию боязни методом психотерапии и показать, как эта истерия связана с половой жизнью, оканчиваются открытым вопросом: «все же остается невыясненным вопрос, как широко следует понимать половую эмоцию» (Там же. С. 19).

Этим вопросом, оставшемся без ответа, завершается и весь доклад Осипова — доклад, на который ученого вдохновило прочтение «Записок сумасшедшего», послуживших толчком к психоаналитической рефлексии. На литературном материале ученому удалось идеально проиллюстрировать разные случаи приступа страха и поставить диагноз «истерия боязни», что, в свою очередь, позволило выстроить гипотезу о происхождении этой истерии от эмоций полового типа и о том, что ее можно лечить психотерапевтическим методом. Диагноз, поставленный герою произведения Льва Толстого, не мог не убедить читателей. Жизнь в описании Толстого кажется подлиннее и полнее, чем сама реальная жизнь. Таким образом, искусство становится ценнейшим инструментом психоанализа и служит распространению его послания — на первый взгляд, скан-

дальнего, быть может, опасного и, безусловно, нового для своего времени.

Литература

Белкин, А.И. Литвинов, А.В. К истории психоанализа в Советской России. // Русский психоаналитический вестник. — 1992. — № 2 [Режим доступа: (http://www.arbat25.ru/index.php/articles/28-2011-01-26-10-42-22 (07.01.2015)].

Бем, А.Л. и др. (ред.). Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфович Осипова. — Т. I–II. — Прага, 1935–1936.

Бирюков, П.И. Биография Л.Н. Толстого. — Т. I–II. — Берлин, 1921.

Брокгауз, Ф.А. Ефрон, И.А. Энциклопедический словарь. — Санкт-Петербург, 1890–1907. [Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/78466 (22.12.2014)].

Бутковский, П.А. Душевные болезни, изложенные сообразно началам нынешнего учения психиатрии в общем и частном, теоретическом и практическом ее содержании. В 2 ч. — СПб., 1834.

Верещака, С.Я. Русский психиатрический кружок в Праге. // А.Л. Бем и др. (ред.). Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфович Осипова. — Т. I. — Прага, 1935–1936. — С. 55–57.

Ермаков, И.Д. Психоанализ литературы. Пушкин, Гоголь, Достоевский. — М., 1999.

Лапланш, Ж. Понталис, Ж.-Б. Словарь по психоанализу. — М., 1996.

Лосский, Н.О. Доктор Н.Е. Осипов как философ. // А.Л. Бем и др. (ред.) Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова. — Т. II. — Прага, 1935–1936. — С. 46–54.

Овчаренко, В.И. Психоаналитический глоссарий. — Минск, 1994.

Овчаренко, В.И. Российские психоаналитики. — М., 2000 [Режим доступа: http://forum.myword.ru/index.php?/files/file/1799-rossiiskie-psihoanalitiki/ (07.01.2015)]. В.И. Овчаренко, В.М. Лейбин (ред.). Антология российского психоанализа. — Т. I–II. — М., 1999.

Осипов, Н.Е. Психотерапия в литературных произведениях Л.Н. Толстого. (Отрывок из работы «Толстой и медицина»). — Отдельный оттиск из журнала «Психотерапия». — М., 1911.

Осипов, Н.Е. «Записки сумасшедшего». Незаконченное произведение Л.Н. Толстого (К вопросу об эмоции боязни). — Отдельный оттиск из журнала «Психотерапия». — 1913. — № 3.

Осипов, Н.Е. Революция и сон. // Научные труды Русского Народного университета в Праге. — 1931. — № 4. — С. 175–203.

Осипов, Н.Е. Страшное у Гоголя. // А.Л. Бем и др. (ред.). Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова. — Т. I. — Прага, 1935. С. 107–136.

Осипов, Н.Е. О психоанализе. // В.М. Лейбин (ред.). Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль. — М., 1994. — С. 91–111.

Осипов, Н.Е. Детские воспоминания Толстого. Вклад в теорию либидо Фрейда. // Н.Е. Осипов. Собрание трудов. — Т. III. — Ижевск, 2011.

Осипов, Н.Е. «Двойник. Петербургская поэма» Ф.М. Достоевского. (Заметки психиатра). — Ижевск, 2012а.

Осипов, Н.Е. Мысли и сомнения по поводу одного случая «дегенеративной психопатии». — Ижевск, 2012б.

Осипов, Н.Е. О психоанализе. — Ижевск, 2014.

Петровицкая, И.В. Из творческого наследия профессоров и выпускников Московского университета 1755–1917. — М., 2012.

Полосин, М.П. Д-р. мед. Н.Е. Осипов. Биографический очерк на основе автобиографических записок. // А.Л. Бем и др. (ред.). Жизнь и смерть. Сборник памяти д-ра Николая Евграфовича Осипова. — Т. I. — Прага, 1935. — С. 5–24.

Рождественский, Д.С. Психоанализ в российской культуре. — СПб., 2009.

Рождественский, В.И., Сироткин, С.Ф. Иван Дмитриевич Ермаков: контуры биографии и творчества. // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. — 2011. — № 2 (7) [Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer20.php (19.12.2014)].

Сироткин, С.Ф., Чиркова, И.Н. Николай Евграфович Осипов: очерк жизни и трудов. // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. — 2014. — № 4 (27) [Режим доступа: http://mprj.ru/archiv_global/2014_4_27/nomer/nomer08.php (07.11.2014)].

Сироткина, И.Е. История психологии. Из истории русской психотерапии: Н.Е. Осипов в Москве и Праге. // Вопросы психологии. — 1995. — № 1 [Режим доступа: http://library.uni-altai.ru/journal/issues/1995/951/951074.htm (03.12.2014)].

Сироткина, И.Е. Классики и психиатры. Психиатрия в российской культуре конца XIX–начала XX века. — М., 2009.

Толстой, Л.Н. Записки сумасшедшего. // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. В 90 т. — Т. XXVI. — М., 1936. — С. 466–474.

Толстой, Л.Н. Письмо к С.А. Толстой от 4 сентября 1869 г. // Л.Н. Толстой. Полное собрание сочинений. В 90 т. — Т. LXXXIII. — М., 1938. — С. 167–168.

Фишер, Е. и др. Николай Осипов: первый политический эмигрант в истории психоанализа и его переписка с Зигмундом Фрейдом из эмиграции в Праге. // Ежегодник истории и теории психоанализа. — 2009. — Т. III. — С. 98–102.

Фрейд, З. О сновидениях. — СПб., 1904.

Фрейд, З. Толкование сновидений. — М., 1913.

Фрейд, З. Бред и сны в «Градиве» В. Иенсена. // З. Фрейд. Художник и фантазирование. Сборник статей. — М., 1995а. — С. 138–175.

Фрейд, З. Художник и фантазирование. // З. Фрейд. Художник и фантазирование. Сборник статей. — М., 1995б. — С. 129–134.

Фрейд, З., Осипов, Н.Е. Переписка 1921–1929. — Ижевск, 2011.

Эткинд, А.М. Эрос невозможного. История психоанализа в России. — М., 1994.

Angelini, A. La psicoanalisi in Russia. Dai precursori agli anni Trenta. — Napoli, 1988.

Géry, C. Natacha, Kitty e Léon Nikolaevitch sur le divan d'Ossipov ou les destinées psychanalityques des œuvre de Tolstoï dans la Russie des années 1910. // C. Depretto (ed.). Un autre Tolstoï. — Paris, 2012. — P. 229–239.

Ljunggren, M. The psychoanalytic breakthrough in Russia on the eve of the First World War. // D. Rancour-Laferriere (ed.) Russian literature and psychoanalysis. — Amsterndam, Philadelphia, 1989. — P. 173–191.

Mcguire, W. (ed.) The Freud/Jung letters. The correspondence between Sigmund Freud and C.G. Jung. — London, 1974.

Neiditsch, S. Dr. Tatiana Rosenthal. // Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse. — 1921. — Bd. VII. — Nr. 3. — S. 384–385.

Osipov, N.E. Zdravé a chorobné v tvorbé Dostojevshého. // Revue v neurologii a psychiatrii. — 1931. — N 5–7.

Ossipov, N. Tolstois Kindheitserinnerungen: Ein Beitrag zur Freuds Libidotheorie. — Wien, 1923. (рус. пер.: Детские воспоминания Толстого. Вклад в теорию либидо Фрейда. — Ижевск, 2011).

Rice, J. Freud's Russia: national identity in the evolution of psychoanalysis. — New Brunswick and London, 1993.

Сабина Майер

ПСИХОАНАЛИЗ И ЛИТЕРАТУРА: сравнительный анализ исследований Николая Осипова и Татьяны Розенталь о Достоевском[1]

Среди объемных произведений Н.Е. Осипова (1877–1934) обнаруживается короткая статья «"Двойник. Петербургская поэма" Ф.М. Достоевского (Заметки психиатра)» [2, дальнейшие цит. по: 3]. Изначально это был доклад, сделанный Н. Осиповым 10 января 1929 года в рамках семинара о Достоевском в Карловом университете в Праге, семинаром руководил литературовед А.Л. Бем. Достоевскому Осипов посвятил несколько статей на русском, немецком и чешском языках, некоторые работы еще не опубликованы [8. S. 255–258; 3. С. 6].

Широко образованный Осипов всегда был заинтересован в том, чтобы распространить психоанализ сверх его терапевтической сферы, создать для него новые применения в искусстве, литературе, истории культуры и религии. По его собственным утверждениям, с самого начала философская сторона психиатрии притягивала его еще более, чем медицинская [7. S. 225]. Его ученик и друг Федор Досужков (1899–1982) подразделил научную деятельность Николая Осипова на три различные, но взаимосвязанные области: философия (медицины), неврозология и психология создателей русской литературы и их героев (Ibid. S. 233).

[1] Пер. с нем. М.М. Бочкарёвой.